

Секция «Востоковедение, африканистика»

Гражданское общество и НПО в Турции 1990-х и 2000-х гг.: динамика и основные детерминанты трансформации

Шлыков Павел Вячеславович

Кандидат наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия

E-mail: shlykov@mail.ru

Теоретические подходы, определяющие понятие гражданского общества, позволяют утвердительно ответить на вопрос о его наличии в Турции. Хотя и лишенное определенных качеств, прежде всего, способствующих углублению демократизации, оно действительно есть. Причем по некоторым показателям: количеству – НПО, влиянию индивидуальной культуры и т. д. – его можно даже считать достаточно зрелым, «развитым». Однако с точки зрения «автономности», независимости от власти и армии, участия в процессе принятия государственных решений, степени интеграции, иными словами, на основе нестатистических, «качественных» характеристик уровень его развития едва ли можно считать высоким.

Сравнительная слабость гражданского общества в Турции может объясняться помимо особенностей исторического развития двумя комплексами причин: особенностями государственной идеологии, утверждающей ценности единой нации-государства, отрицающего наличие различных идентичностей и субкультур в рамках одного социума и сохраняющимся контролем армии над политикой и гражданским обществом через ряд институтов, таких как Совет национальной безопасности (СНБ), а также неформальным влиянием военной элиты. В этих условиях права и обязанности граждан становятся функцией государства, а не наоборот, т. е. базируются не на «общественном договоре», а на обязательствах и повинностях, установленных «сверху».

Недостаточная самостоятельность и независимость от государственной власти, глубокая политическая фрагментация и отсутствие терпимости – таковы корни большинства проблем, с которыми сталкивается гражданское общество в Турции и без разрешения которых оно не сможет послужить консолидации демократии в стране. Дальнейшее развитие и совершенствование гражданского общества тесно связано с необходимостью кардинальной ревизии политической системы и принципов государственного устройства Турции, сопровождающейся превращением армии в более демократический и либеральный институт. Двигаясь в этом направлении, основные игроки экономической сферы должны получить свободу от государственного контроля и вмешательства (путем приватизации и превращения их в автономные структуры), а СНБ должен стать действительно лишь консультативным органом. Пока сложно представить, как скоро Турции удастся претворить в жизнь программу обширной демократизации. Столь масштабные социальные трансформации едва ли могут осуществиться за одно-два десятилетия, даже при наличии влияния или давления извне (например, в лице Евросоюза), совпадающего с внутренними потребностями.

Между тем и влияние фактора Европейского Союза весьма неоднозначно. Насколько политика ЕС в сфере гражданского общества и его масштабные международные

проекты отвечают ожиданиям турецкого общества? Дать однозначный ответ непросто: политика ЕС представляется сложным переплетением социальных «дивидендов» и «издержек». К первым можно отнести институциональное усиление гражданского общества, открытие новых сфер деятельности для его институтов, расширение информационной базы НПО и т. д., ко вторым – рост конфликтности в среде НПО и снижение порога терпимости.

Анализируя гражданскую активность в Турции 1990-х – 2000-х гг. становятся очевидными несоответствия ожиданий, которые на нее возлагает ЕС (и которые формулируются в многочисленных международных программах), и реального положения внутри гражданского общества. Одна из причин этого состоит в том, что политика ЕС в сфере гражданского общества не делает «скидку» на специфику местных условий общественных отношений. Нормативная для ЕС модель гражданского общества стоит на принципах примата индивидуализма, отодвигая на задний план, а порой и отрицая столь важную для западных обществ групповую идентичность и коллективные интересы. А между тем парадигма гражданского общества, выведенная Алексисом де Токвилем и представляющая его как бастион индивидуальной свободы и, соответственно, главный инструмент демократии, плохо соотносится с турецкими реалиями. Однако должен ли Евросоюз адаптировать свои ценности к реалиям своего потенциального нового члена? Ведь Анкара, заявив о своем желании войти в объединенную Европу и настойчиво добиваясь полноправного членства в ЕС, фактически признала для себя нормативность всей совокупности «стандартов ЕС» (соответствующие взгляды на демократические институты, политическую систему, защиту прав человека, положение меньшинств и т. д.). Суть процесса «вступления в ЕС», растянувшегося для Турции на многие годы, как раз и заключается в выявлении «структурных несоответствий» и стимулировании комплексных реформ, направляемых «в нужное русло». Следуя этой логике, программы Евросоюза по развитию гражданского общества должны рассматриваться именно как часть обозначенной стратегии, а все проявляющиеся в ходе ее реализации «несоответствия» цели и результата – как показатель необходимости дополнительных усилий, а отнюдь не доказательство провала самой стратегии или ее искажения под воздействием «местного климата».

Вместе с тем успех любой политической программы – и усилия ЕС по продвижению демократии через «спонсирование» НПО и стимуляцию гражданской активности не исключение – прямо пропорционален тому, насколько хорошо она воспринимается ее главными «бенефициарами» и отвечает текущим запросам основных субъектов гражданского общества. И если программы Евросоюза не вписываются в социальный контекст, то они логично воспринимаются не как знак доброго сотрудничества, а как явление иного порядка, вызывающее соответствующую реакцию – отторжение и сопротивление внешнему воздействию и навязываемым правилам игры. Примеров тому достаточно: в Турции сформировалась довольно многочисленная группа НПО, активно не принимающих практику международного сотрудничества и внешнего финансирования и клеймящих тех, кто искусился «чужими деньгами». Все это говорит не только о необходимости вчитываться в социальный контекст, но раскрывает специфические черты турецкого гражданского общества.

Турецкие НПО четко ощущают свое место в системе культурно-идеологических координат, их действия и «гражданская позиция», как правило, политически ангажиро-

ваны, поэтому они и не могут выступать послушными проводниками программ Евросоюза, которые в итоге приводят к неожиданным и незапрограммированным последствиям. В то же время это не отменяет тезис о том, что гражданское общество в Турции обладает значительным потенциалом для выполнения роли катализатора социальных трансформаций и проводника демократических реформ. Однако открытым остается вопрос о соответствующей инфраструктуре для реализации этого потенциала.

Одной из отличительных черт современного этапа развития гражданского общества в Турции, во многом детерминированного влиянием внешних факторов в лице ЕС и международных фондов, стала «профессионализация» гражданской активности. Это явление можно связать с развитием культуры «социальных проектов», для разработки и осуществления которых требуется и экспертное сопровождение и внешняя финансовая поддержка. Неизбежно изменяется облик гражданского общества и его институциональных основ. Существовавшая ранее размытая система волонтеров-энтузиастов уступает место гораздо более четко структурированной и иерархизированной системе активистов, взаимоотношения между которыми также обретают большую системность и упорядоченность. Фиксируемые изменения в турецком гражданском обществе существенно повлияли и на отношения между гражданскими активистами, представляющими разные политические силы и идеологические платформы, ввели новые модели достижения социальной легитимности (вызвали появление дихотомии истинная гражданственность – поддельная гражданственность, честная НПО – ангажированная НПО и т. д.), но при этом весьма слабо способствовали преодолению разделенности гражданского общества и разобщенности его субъектов.

Широкомасштабные реформы 2000-х гг. не смогли серьезно изменить ситуацию «разделенности» турецкого общества (да и как либо повлиять на социальные стереотипы и ментальность), поэтому отношение к «другому» и тесно связанный с этим уровень терпимости и толерантности не только не снизились, но даже, как показывают серьезные социологические исследования, за последнее время ощутимо возросли.